

Вопросы философии и психологии

Книга 102

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
В74

В74 Вопросы философии и психологии: Книга 102 / – М.: Книга по Требованию,
2021. – 236 с.

ISBN 978-5-458-04750-0

Вопросы философии и психологии. Состоит из 137 книг.

ISBN 978-5-458-04750-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Философія історіи Гегеля ¹⁾.

Нельзя не признати великою заслугою философіи Гегеля то, что она была въ состояніи отвести подобающее мѣсто въ историческомъ процессѣ такому крупному явленію какъ христіанство и объяснить съ своей точки зрѣнія его міровое значеніе... Преимущество въ этомъ отношеніи Гегелевской философіи історіи выступаетъ особенно ярко при сопоставленіи ея съ другими философскими теоріями, въ особенности съ Конттовской. Философія Гегеля, исходя изъ противоположенія субъекта объекту, матеріи духу и изъ идеи примиренія ихъ въ высшемъ единствѣ, была способна постигнуть христіанство, какъ разрѣшеніе великой міровой тайны, выражающейся въ дуализмъ безконечнаго и конечнаго, божественнаго и человѣческаго. Возникновеніе христіанства становится для Гегеля откровеніемъ новаго, высшаго принципа, около котораго съ этого момента вращается всемірная історія (*die Angel, um welche sich die Weltgeschichte dreht*). Этотъ принципъ заключается въ томъ, что „Богъ познается духомъ“, это значитъ, что „самосознаніе въ своемъ подъемѣ овладѣваетъ тѣми моментами, которые присущи понятію духа, и чувствуетъ потребность соединить ихъ въ абсолютное понятіе“. Это есть вмѣстѣ съ тѣмъ примиреніе и освобожденіе духа, ибо, постигая духъ въ его всеобщности и безконечности, человѣкъ, который самъ есть духъ, въ этомъ

¹⁾ См. „Вопросы Философіи“ кн. 101. 1910 г.

Вопросы философіи, кн. 102.

абсолютномъ объектѣ своей мысли находить свою собственную сущность. Въ то же время онъ сознаетъ потребность устранить то положеніе дѣла, при которомъ абсолютный духъ является для него чѣмъ-то объективнымъ (*gegenständlich*), чуждымъ (*fremdartig*), внѣ его существующимъ.

Такое опредѣленіе христіанства, гармонизировавшее съ его философіей, дало Гегелю возможность вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлить его, какъ историческій *фактъ* и приурочить его къ тому историческому моменту, къ которому оно хронологически относилось, и такимъ образомъ *вывести* его не только изъ діалектическаго процесса, или изъ эволюціи идеи, а изъ историческаго процесса, т.-е. изъ предшествовавшихъ ему и современныхъ ему *наличныхъ фактовъ*. Этотъ выводъ *конкретнаго* факта изъ отвлеченнаго понятія у Гегеля по отношенію къ христіанству совершается вдвойнѣ—хронологически и по самому существу. Во-первыхъ самый фактъ, что начало христіанства совпадаетъ съ установленіемъ Римской имперіи, является у Гегеля не случайнымъ обстоятельствомъ, а вытекаетъ какъ бы изъ сущности діалектическаго процесса. Принципомъ Римской имперіи является у него „конечность и частная субъективность, возведенная на степень безконечности“ (*die zur Unendlichkeit gesteigerte particuläre Subjectivität*); и вотъ одновременно съ торжествомъ этого принципа въ политическомъ мірѣ этотъ самый принципъ „субъективности“ проявляется въ рожденіи Христа „къ спасенію міра“, но въ обратномъ порядкѣ, такъ что „конечность“ становится лишь формой его явленія (*als dieser Mensch*), тогда какъ сущность и содержаніе его—„безконечность“.

Но болѣе значительна и достойна вниманія попытка Гегеля приурочить христіанство къ культурнымъ условіямъ тогдашняго міра, вывести его изъ религіозныхъ и нравственныхъ потребностей античнаго міра въ его тогдашнемъ состояніи—изъ глубокаго чувства недовольства и жажды (*Sehnsucht*) духовнаго удовлетворенія, которыя

испытывало языческое общество. Эта неудовлетворенность была тѣмъ *фатумомъ*, который сокрушилъ языческихъ боговъ и жизнерадостное служеніе имъ, была той силою, которая очистила челоуѣческую душу отъ увлеченія всѣмъ частнымъ и конкретнымъ.

Уже греки, которые выставили принципъ — „челоуѣкъ, познай самого себя“ — пришли къ сознанію духа, но духа ограниченного, включавшаго въ себя природу. Духъ, правда, царилъ у нихъ надъ природою, но былъ съ нею единъ и проявлялся во множествѣ индивидуальныхъ народовъ и боговъ. У римлянъ является элементъ субъективности. На почвѣ этой субъективности (*Innerlichkeit*) развивается *личность*, но въ то же время эта личность стоитъ подъ неумолимою властью *единого*, т.-е. абсолютной личности государя. „Это внутреннее противорѣчіе составляетъ бѣдствие (*das Elend*) римскаго міра“. Но этимъ бѣдствиемъ обуславливается дальнѣйшее развитіе и воспитаніе (*Zucht*) личности. Внѣшнее бѣдствие превращается въ скорбь челоуѣка надъ самимъ собою, надъ своею отчужденною отъ вѣчнаго и абсолютнаго личностью и оторванностью. Челоуѣкъ долженъ придти къ отрицанію самого себя (*muss sich als das Negative seiner selbst fühlen*), долженъ понять, что его несчастіе коренится въ его природѣ, въ томъ, что онъ представляетъ собою элементъ отчужденія и раздвоенія. А вмѣстѣ съ этимъ сознаніемъ своего несчастія и со скорбію о своемъ ничтожествѣ и исполняется то условіе, которое было необходимо для возникновенія христіанства, наступаетъ тотъ моментъ, о которомъ сказано въ Евангеліи — когда исполнилось время, Господь ниспослалъ своего сына.

Болѣе обстоятельно и еще болѣе убѣдительно Гегель проводитъ эту самую идею на почвѣ еврейской исторіи. Горестное сознаніе своего ничтожества и стремленіе выйти изъ этого состоянія, говоритъ онъ, нужно впрочемъ преимущественно искать внѣ предѣловъ собственно римскаго міра; ими обуславливается всемірно историческое значеніе и важность еврейскаго народа; въ этомъ народѣ духъ

достигъ высшаго момента, пришелъ къ абсолютному самосознанію, возвратившись къ себѣ изъ своего „иного бытія“ (Anderssein), которое есть его самоотчужденіе и горе. Чище и лучше всего выражено это назначеніе еврейскаго народа въ Давидовскихъ псалмахъ и у пророковъ, содержаніе которыхъ составляетъ душевная жажда божественнаго, глубочайшая скорбь по поводу своихъ недостатковъ, жажда праведности и благочестія. Мифологическое изображеніе этого духа, по Гегелю, мы находимъ въ самомъ началѣ еврейскихъ книгъ—въ исторіи грѣхопаденія. Человѣкъ, созданный по образу и подобию Божію, утратилъ, какъ здѣсь сказано, свое удовлетвореніе вслѣдствіе того, что вкусилъ плодъ отъ древа познанія добра и зла. Грѣхъ заключается здѣсь лишь въ познаніи—это глубокая истина, говоритъ Гегель, что зло коренилось въ сознаніи, ибо животныя не знаютъ ни добра, ни зла, точно такъ же не вѣдаетъ его человѣкъ природы (der natürliche Mensch). Лишь сознаніе влечетъ за собою раздвоеніе внутренняго я, предъ которымъ открывается, съ одной стороны, безконечная свобода произвола, съ другой—добро, какъ объектъ воли. Познаніе, влекущее за собою отрицаніе первоначальнаго единства, потому и есть паденіе, утрата рая, представляющее собою не случайную, а вѣчную исторію духа. Состояніе невинности, райское состояніе, есть животное состояніе. Первоначальный рай (das Paradies—по этимологическому значенію—паркъ для звѣрей) есть паркъ, который можетъ быть мѣстопробываніемъ лишь для звѣрей, а не для людей: ибо животное не въ разъединеніи съ міровымъ началомъ; лишь человѣкъ есть духъ, т.-е. живетъ самъ по себѣ. Но это бытіе само по себѣ есть сознаніе своей особы, т.-е. самосознаніе есть вмѣстѣ съ тѣмъ и отчужденіе (Trennung) отъ общаго, божественнаго духа.

Грѣхопаденіе есть поэтому вѣчно-истинный мнѣе человѣка, въ силу котораго онъ и становится человѣкомъ. Въ грѣхопаденіи человѣкъ пріобрѣтаетъ отвлеченную свободу по отношенію къ добру, но пребываніе въ этомъ положеніи

и есть зло. Сознаніе этого и скорбь по поводу этого выражены уже въ разсказѣ о грѣхопаденіи, тамъ же есть указаніе и на примиреніе, но еще въ видѣ пророчества. Удовлетвореніе, которое даетъ человѣку примиреніе съ божественнымъ, тогда еще не существуетъ для него. Человѣкъ ищетъ пока лишь удовлетворенія во внѣшнемъ, въ конечномъ—въ *обладаніи* страной Канаанской. Онъ не имѣетъ удовлетворенія въ Богѣ, а приноситъ ему въ храмѣ *жертвы*. Этого внѣшняго удовлетворенія евреи лишаются подъ властью Рима. Храмъ Сіонскій разрушенъ, народъ, служащій Іеговѣ, разсѣвается по лицу земли. Отсюда ощущеніе глубокаго горя и отчаянія. Но это не отчаяніе язычника—не тупая покорность передъ слѣпымъ фатумомъ, а безконечное исканіе и вождельніе Бога. Стоицизмъ училъ лишь *отрицать* существованіе зла и самое горе; еврейство же ищетъ примиренія субъективнаго съ единою сущностью. Это и есть признаніе своей ограниченности со стороны личности. Грѣхъ заключался въ познаніи, т.-е. въ различеніи добра и зла, но познаніе также и исцѣляетъ исконный недугъ и становится источникомъ безконечнаго примиренія. Ибо познаніе заключается въ уничтоженіи всего внѣшняго, чуждаго въ сознаніи, т.-е. въ возвращеніи субъективности къ самой себѣ. А въ реальномъ процессѣ мірового самосознанія это и есть моментъ примиренія Бога съ міромъ (*die Versöhnung der Welt—Versöhnung* отъ *Sühne*—искупленіе). Тождество субъекта и Бога (объекта) проявляется въ мірѣ, сознаніе этого тождества есть познаніе Бога въ его истинѣ.

На основаніи этого Гегель слѣдующимъ образомъ формулируетъ міровое, такъ сказать, вѣчное значеніе христіанства. Въ христіанской религіи была признана (*ist zum Bewusstsein gekommen*) абсолютная идея Бога въ ея истинѣ; эта идея включаетъ въ себѣ и человѣка въ его истинной природѣ. Человѣкъ самъ по себѣ является существомъ конечнымъ, но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ образъ и подобіе Божіе; въ силу этого онъ становится самъ по себѣ цѣлью (*Selbstzweck*),

получаетъ безконечную цѣну и предназначается къ вѣчности. Его родина въ трансцендентальномъ (übersinnlich) мірѣ (in einer unendlichen Innerlichkeit), но обрѣтаетъ онъ ее лишь посредствомъ разрыва съ естественнымъ своимъ бытіемъ и хотѣніемъ и въ силу напряженнаго старанія сломить его въ себѣ. Дано же человѣку это сознаніе своей истинной природы въ образъ сына Божія (in der Anschauung des Sohnes). Какъ изъ этого видно, въ этомъ пунктѣ метафизика тѣсно соприкасается у Гегеля съ религіей, и ея діалектика отождествляется съ богословской догмою. У читателя возникаетъ вопросъ объ отношеніи между этими двумя областями и объ основаніяхъ, въ силу которыхъ философъ считаетъ себя въ правѣ проникнуть въ смежную область. Самъ, какъ будто, идя этому навстрѣчу, Гегель именно въ главѣ о христіанствѣ весьма точно формулируетъ свой взглядъ на взаимное отношеніе философіи и религіи. Искони, говоритъ онъ, можно отмѣтить у людей склонность устанавливать противоположность между разумомъ и религіей; но если ближе въ это всмотрѣться, между ними окажется лишь различіе (ein Unterschied). Разумъ вообще есть сущность духа какъ божественнаго, такъ и человѣческаго, и потому различіе между религіей и разумомъ заключается лишь въ томъ, что религія есть разумъ въ сердцѣ и душѣ (Gemüth), и назначеніе исторіи состоитъ въ томъ (das Geschäft der Geschichte ist nur), чтобы обнаружить тождество религіи съ человѣческимъ разумомъ, сдѣлать, чтобы религіозный принципъ, живущій въ сердцѣ человѣка, (als menschliche Vernunft erscheine) проявился также, какъ принципъ міровой свободы. Этимъ путемъ устранится раздвоеніе между міромъ сердца и внѣшнимъ бытіемъ (zwischen dem Innern des Herzens und dem Daseyn).

При такой точкѣ зрѣнія становится понятною попытка Гегеля метафизически объяснить основные христіанскіе догматы. Особеннаго вниманія заслуживаетъ въ этомъ отношеніи *христологія* Гегеля и между прочимъ потому, что она

показываетъ, какъ далеко былъ самъ Гегель отъ того взгляда, который былъ внесенъ въ литературу вышедшимъ изъ крайней лѣвой Гегеліанской школы Штраусомъ.

Въ христіанствѣ, по Гегелю, проявилось сознание единства человѣческаго и божественнаго. Это единство должно быть понято въ такомъ смыслѣ, что человѣкъ лишь настолько становится причастенъ божественному, насколько онъ отрѣшается отъ конечности и матеріальности (Natürlichkeit) своего духа и поднимается къ божеству. Ибо для человѣка, причастнаго истинѣ и сознающаго, что онъ самъ моментъ божественной идеи, вмѣстѣ съ тѣмъ неизбежно отрѣшеніе отъ своей матеріальности, ибо матеріальное есть отрицаніе свободы и духа (ist das Unfreie und Ungeistige). Въ этой-то идеѣ Бога заключается примиреніе и утоленіе скорби и бѣдствія человѣка. Ибо скорбь теперь является чѣмъ-то необходимымъ для установленія единства между человѣкомъ и Богомъ. Это единство, съ одной стороны, существуетъ лишь для мыслящаго, философскаго сознанія; но оно должно существовать также какъ конкретное представленіе; оно должно сдѣлаться объективнымъ для міра, оно должно *явиться* въ мірѣ и именно въ конкретномъ образѣ духа, то-есть *человѣческаго* образа. И въ этомъ смыслѣ *явился* Христось-человѣкъ, который есть Богъ, и Богъ, который есть человѣкъ—и міръ обрѣлъ въ немъ миръ и примиреніе. Согласно съ этимъ Гегель заявляетъ, что видѣть въ Христѣ лишь историческую личность (eine gewesene historische Person) не соответствуетъ истинному положенію дѣла. Изъ такой точки зрѣнія вытекаютъ вопросы объ обстоятельствахъ его рожденія, о томъ кто были его родители, какое онъ получилъ воспитаніе, какіе сотворилъ чудеса, т.-е. отсюда вытекаетъ отрѣшенное отъ духа пониманіе его (was ist er geistlos betrachtet). Разсматривать Христа лишь съ точки зрѣнія его способностей, характера и морали, или видѣть въ немъ лишь учителя и т. д., значило бы ставить его на одинъ уровень съ Сократомъ и другими, хотя бы при этомъ и

ставили его мораль выше. Но убѣдиться въ преимуществѣ его личнаго характера, еще не составляетъ высшей потребности человѣка, а то, чтобы онъ овладѣлъ философскимъ смысломъ понятія *духа*. Представлять себѣ Христа лишь совершенною, даже непорочною личностью и не видѣть въ немъ ничего болѣе, значитъ отрицать философскую идею, абсолютную истину, въ немъ заключающуюся. Но въ ней-то все дѣло и изъ нея надо исходить. „Дѣлайте, восклицаетъ Гегель,—изъ Христа, путемъ экзегетики, критики, исторіи, что хотите; доказывайте, сколько хотите, что догмы церкви составлялись на соборахъ благодаря тѣмъ или другимъ интересамъ, или страстямъ епископовъ, или вытекали изъ такого-то источника—пусть всѣ эти обстоятельства будутъ именно таковы, какъ вамъ угодно,—вопросъ лишь въ томъ, какая во всемъ этомъ идея или абсолютная истина“ („was die Idee oder die Wahrheit an und für sich ist“).

Подобнымъ образомъ Гегель пытается метафизически объяснить, но лишь мимоходомъ, догматъ св. Троицы. Точно такъ же онъ считаетъ возможнымъ объяснить образованіе *церкви* изъ понятія христіанства, но не останавливается на этомъ и ограничивается указаніемъ однихъ „общихъ моментовъ“, т.-е. отношеній основанной Христомъ общины къ римскому государству или внѣшнему міру, затѣмъ къ внутренней истинѣ развитія догматики и соединенія обѣихъ сторонъ въ организациі церкви. Здѣсь Гегель объясняетъ, какъ въ царствѣ Божескомъ возникаетъ „духовное царство“. Онъ признаетъ такое развитіе необходимымъ въ силу того, что человѣческая субъективность еще не достигла полного своего развитія. „Сердце отрѣшилось отъ злой воли“, но это освобожденіе произошло лишь въ идеѣ, а не конкретно, и вся послѣдующая исторія есть реализація „этой конкретной свободы“. Субъективная свобода духа еще не признана; разумніе коренится не въ самомъ себѣ, но на внѣшнемъ авторитетѣ. Такимъ образомъ духовное царство становится царствомъ духовенства. *So hat sich denn dies geistige Reich zu einem geistlichen fortbestimmt.*

* * *

Но хотя христіанство возникло въ Римской имперіи, „оно не могло въ предѣлахъ древняго Рима найти себѣ настоящей почвы“—оно было здѣсь поставлено среди уже законченной, готовой культуры, которая исходила не отъ него; поэтому оно нуждалось въ другой, невоздѣланной почвѣ, гдѣ процессъ произрастанія могъ начаться съизнова и гдѣ все культурное и политическое развитіе исходило бы отъ христіанства. Эта новая почва была доставлена переселеніемъ народовъ и явилась въ лицѣ новыхъ народовъ или чисто германскаго происхожденія или же возникшихъ изъ смѣшенія германскихъ пришельцевъ съ римскимъ населеніемъ въ завоеванныхъ ими провинціяхъ.

Этотъ міръ новыхъ народовъ, представлявшихъ собою по сравненію съ народами древности, новый моментъ въ развитіи идеи и какъ бы *новый народъ*, Гегель подводитъ подъ сборное названіе германскаго народа. Этотъ народъ принесъ съ собою новый духъ, дѣлавшій его способнымъ исполнить возложенную на него историческую задачу. Задача эта была дана христіанствомъ и заключалась въ реализаціи абсолютной истины, заложенной въ христіанствѣ. Гегель точнѣе формулируетъ историческое призваніе германскаго народа, говоря, что оно состояло въ томъ, чтобы проявить религію въ формѣ челоуѣческаго разума, сдѣлать, чтобы религиозный принципъ, присущій сердцу челоуѣка, осуше- ствился и на почвѣ политической или мірской свободы. Такимъ образомъ должно было быть устранено раздвоеніе между міромъ сердца и конкретнымъ бытіемъ.

Но чѣмъ же обуславливалась возможность для германскихъ народовъ „служить носителями христіанскаго принципа“? Попытка вывести историческую роль германскаго народа изъ его племенного характера одинъ изъ самыхъ интересныхъ пунктовъ Гегелевской философіи исторіи и въ этомъ отношеніи онъ имѣлъ особенно много послѣдователей и внѣ Германіи. Нельзя однако сказать,

чтобы можно было найти у Гегеля удовлетворительный отвѣтъ на поставленный выше вопросъ; разрѣшеніе его во всякомъ случаѣ чисто формальное. Гегель исходитъ при этомъ изъ трудно уловимаго, чисто нѣмецкаго представленія о Gemüth, которымъ онъ характеризуетъ духъ германскаго племени. Gemüth, противопологаемый характеру, какъ опредѣленной въ себѣ волѣ, есть, по его словамъ, „сокровенная неопредѣленная цѣльность духа (Totalität des Geistes) по отношенію къ волѣ“; воля является здѣсь лишь какъ формальная воля и „чисто субъективная свобода—простымъ упрямствомъ“. Эту „субъективность“ германскаго племени Гегель и противопологаетъ объективному содержанию христіанства и отсюда онъ выводитъ *соотвѣтствіе* германскаго принципа христіанскому (dass diese beiden Principien einander entsprechen).—„Въ непочатая, неразвитая души (Gemüth) германцевъ,—говоритъ Гегель въ другомъ мѣстѣ,—былъ вложенъ посредствомъ христіанства принципъ *примиренія*, который есть принципъ духовной свободы и такимъ образомъ имъ былъ такъ сказать данъ толчокъ къ тому, чтобы въ своемъ историческомъ развитіи подняться отъ субъективной свободы къ духовной, и изъ своего субъективнаго самосознанія реализовать ее въ конкретномъ мірѣ. Такимъ образомъ новая исторія становится дѣломъ или продуктомъ германскаго народа. Хотя съ этой точки зрѣнія новая исторія является продолженіемъ древней, т.-е. къ исторіи древнихъ народовъ прибавляется лишь исторія одного новаго германскаго народа, однако во внутреннемъ ходѣ этой исторіи замѣчается существенное отличіе. Народы древняго міра были смѣняющимися, переходящими моментами всемірнаго процесса. Теперь это измѣняется, ибо христіанскій міръ есть міръ завершения (die Welt der Vollendung) или совершенства; для *идеи* въ христіанствѣ уже нѣтъ ничего неудовлетвореннаго (Nichts Unbefriedigtes). вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняется принципъ подраздѣленія каждаго періода на эпохи. Въ древнемъ мірѣ онъ былъ данъ *смѣною народовъ*. Каждый изъ нихъ являлся на историческую